

Михаил Бурькин, (85 лет) заслуженный строитель СССР:

Я помню, кто я есть и откуда

Вся моя взрослая жизнь прошла далеко от Брянщины, от Хинели. Но моего отношения к родине это обстоятельство никак не изменило. Напротив, я всегда помню кто я и откуда.

В первый класс с букварем в руках я отправился один. Учительница нашей Хинельской школы спросила: «Ты чей?» Я ответил: «Артемов». Тогда многие себя по именам отцов называли. Так и меня записали по отцу. И только через два года ошибку исправили.

Наш род Бурькиных старинный. В Архиве я нашел сведения о нашей семье и наших местах двухсотлетней давности. Бурькины, Першиковы, Толченниковы, Евсиковы, Вороновы, Колтуновы — это все старинные севские фамилии. Севские крестьяне были государственными, а не крепостными, на тогдашней границе с Украиной службу несли с оружием, прозывались драгунами. Севский край под чужеземцами никогда не был, так что севские — это особый характер, особое отношение к свободе и воле.

Краеведы подсчитали, что в Отечественную войну в Хинельских лесах (170 километров в длину и 70 в ширину) укрывались и отсюда вели свою войну десять тысяч партизан. В эти леса немцы войти так и не смогли, хотя бомбили нас ежедневно, нещадно. Казалось бы, после таких бомбежек никто выжить не должен, а мы не только выживали, но и воевали.

По малости лет (в 41 мне было двенадцать) меня определили в разведку. Пацаны, вроде меня, бродили по окрестным селам, где стояли немцы и мадьяры, изучали обстановку, приносили донесения в Хинель, где кто и что.

Вначале на нас не обращали внимания, но потом, видно, кто-то донес. В чужой деревне меня схватил военный патруль, мадьяры. И повели на расстрел, за околицу. И тут выскочила женщина, пожилая. Я потом фамилию ее узнал — Жатикова — и закричала: «Это мой внук! Мой внук!» Пожалела она меня почему-то. Вышел на крик из хаты немецкий офицер, немолодой. И патруль остановил, отвели меня в хату, немец куда-то по телефону долго звонил. В общем, отдал он меня «бабушке».

Был случай, когда со стариком Константином Кузьмичом Першиковым нас (все остальные — подростки) отправили в лагерь военнопленных под Хутором Михайловским. На десяти телегах мы везли солому для пленных. Стоял ноябрь, за колючей проволокой держали тысячи пленных, которые умирали в холоде и на грязи. Под соломой была еда, какую смогли собрать. Шли мы туда, но не знали, выпустят обратно или нет. Задача была разведать подходы к лагерю. Капитан Наумов с каждым из ребят провел особый инструктаж. Там за проволокой была жуть: полуживые лежат вперемешку с мертвыми. Сгрузили солому, и почему-то немцы нас отпустили. Партизаны потом лагерь этот смогли захватить, да не смогли всех людей увести. Только человек двести и ушло, а в лагере были тысячи и тысячи. Они все погибли.

Странно, но про действия южной группы брянских партизан известно куда меньше, чем про партизан навлинских или суземских. Похоже, своих писателей вовремя не нашлось, а теперь практически все свидетели тех событий уже ушли. Меж тем, хинельские партизаны вели себя геройски и свершили немало славных дел. Летом сорок третьего после освобождения края многие из них, и я в том числе, приняли участие в Курской битве. Я был ранен тогда.

Забытый многими эпизод: именно подростки, — взрослые были на фронтах, — в 44 году провели разминирование Севского района. Из моих друзей трое погибли и двое были ранены при разминировании. А мне повезло: цел остался.

После войны я собирался в армии служить, в военное училище поступил, но жизнь распорядилась иначе. Стал строителем, выучился, 28 лет отработал руководителем УКСА Госстроя СССР. «Пережил» за это время четырех руководителей. УКС оперировал бюджетом в полтора миллиарда рублей. Мы по всей стране строили, очень интересная работа.

О районе, Хинели всегда помнил и помогал, чем мог. До войны в Хинели было пятьсот домов. Сейчас меньше, конечно, но село живо. Трубы для Хинельского газо- и водопроводов, спортивный инвентарь, мебель, компьютеры для школы, именные стипендии для лучших... школьников. Для меня очень важно, чтобы мое родное село, родной район не отставали от нового времени.

Недалеко от Хинели был поселок Сечка. В войну мадьяры сожгли его и расстреляли всех жителей, почти всех. Там были и мои родичи, девять человек. Выжила только одна шестилетняя девочка. Бабушка накрыла ее своим телом и спасла. Ее нашли только на пятый день. Только одна Аллочка (она сейчас в Волгограде живет) от всей деревни и осталась. А поселок после войны так и не восстановили. Не для кого было восстанавливать. Но я по архивам потом нашел все имена погибших, сам спроектировал и поставил памятник на месте убитой деревни. И неважно, что это место ныне нежилое. Люди все равно приходят, поминают.

Нельзя такое забывать.

Записал Юрий Фаев

Справка: Бурькин Михаил Артемович, уроженец села Хинель Севского района, Почетный гражданин Севского района, в годы войны — юный партизан, всю мирную жизнь — в строительстве на руководящих постах в Госстрое СССР. Живет в Москве.

Журнал «ТОЧКА. Брянск»